

суверенной, автономной и творческой, как это намечалось в планах формирования этой цивилизации. В начале эта личность боролась всеми методами против технического прогресса (например, известное движение луддитов в Англии, конец XVIII – начало XIX века), затем принимала активное участие в революциях за отстаивание своих прав, сегодня участие в различных переворотах, цветных революциях, действиях «Аль-Каиды». Активность и творческие вымыслы современного человека описанию не поддаются.

Для анализа поведения такой личности можно воспользоваться синергетическим подходом, оперирующим понятием бифуркации – особого состояния человека, отличительными свойствами которого являются нестабильность, неустойчивость, крайняя степень чувственности к внешним и внутренним воздействиям, малым флуктуациям, способным изменить общую направленность для поведения и бытия такой личности в социальной среде.

В-четвертых, в условиях перехода общества от техногенной к информационной цивилизации наука усиливает свою значимость. Это подтверждается развитием современного этапа постнеклассической рациональности, а особенно, развернувшейся нанотехнологической революцией, на базе новых наук – нанофизики, нанохимии, нанобиологии и формирующейся наноэтики.

В матрице современного этапа цивилизационного развития воедино сливаются достижения научно-технической мысли человечества и бурно развивающегося информационного производства. Такой подход сопряжен с тем, что в данном случае при анализе ключевых проблем общественно-экономического и духовно-культурного развития внимание акцентируется на двух фундаментальных сущностях – технике и информации. Собственно говоря, эти два феномена и определяют облик современного этапа цивилизации, идет ли речь о глубинных связях на уровне социоприродных отношений, научно-техническом, информационном и культурном развитии или о тенденциях глобализационных процессов современного мира.

Литература:

1. Моисеев, Н. Информационное общество: возможность и реальность / Н. Моисеев // Информационное общество. – М.: АСТ, 2004.

О ПОНЯТИЯХ «ДУХОВНОСТЬ» И «НРАВСТВЕННОСТЬ»

В.Ш. Сабиров, г. Новосибирск, Россия

Рассуждения о духовно-нравственном воспитании только тогда обретут необходимую теоретическую и практическую значимость, когда определится четкий логический смысл, объем и содержание понятий «духовность», «нравственность» и производных от них прилагательных

«духовный» и «нравственный». В действительности между этими понятиями можно обнаружить сложный тип взаимоотношений: тождество, различие и синтез.

Нравственность имеет место быть тогда, когда совершаются поступки, в основании которых лежат некие надындивидуальные, сверхличные ценности и мотивы. Человек, совершающий нравственный поступок, нередко жертвует материальными интересами. В этом плане, безусловно, нравственность и духовность предстают как тождественные понятия, потому что нравственность представляет собой духовный, а не материальный, феномен. К примеру, мать, проводящая бессонные ночи над кроваткой больного ребенка, отдающая ему все свои силы, демонстрирует не только высокую нравственность, но и духовность. Вместе с тем, если это жертвенное служение матери своему ребенку превысит некую разумную меру и превратится уже в мелочную опеку над ним, лишаящую его необходимой свободы и препятствующая его личностному росту, то здесь уже перед нами предстает некая извращенная форма духовности, которая, безусловно, противоречит элементарным законам нравственности. Следовательно, говорить о тождестве духовности и нравственности мы можем только в очень узкой сфере противопоставления их материальным процессам. Во всех иных случаях между этими понятиями обнаруживается различие, о котором речь будет идти впереди.

Сейчас же необходимо остановиться на вопросе о некоторых вариациях трактовки понятия «духовного» в европейской истории и культуре.

В Новое время в Европе понятие «духовного» по существу стало восприниматься как тождественное интеллектуальному. Р. Декарт – родоначальник классического европейского рационализма – по сути дела разработал формулу Ансельма Кентерберийского: «Чтобы верить, надо понимать», которая явилась радикальным переосмыслением тезиса Августина Блаженного: «Чтобы понимать, надо верить». Рационалистическая трактовка духовности на Западе имела длинную предысторию, которая была в первую очередь связана с преимущественно катафатическим типом богопознания, сложившемся в западной патристике и закрепившейся затем в схоластике. Рационализация веры в Бога, сопряженная с утратой живой связи с Ним, стало причиной секуляризации западноевропейской культуры, а затем индифферентного отношения к религии, трансформировавшегося у отдельных представителей интеллектуальной элиты в вольнодумство, атеизм и богоборчество. Симптоматичной была работа И. Канта «Религия в пределах только разума», в которой была предпринята попытка рационализации не только веры, но и нравственности, которая по существу отождествлялась с

правом, т.е. нравственные нормы трактовались как общеобязательные, а за нарушение их полагались санкции государства. Словом, рационализация религиозной веры, отождествление духовного с интеллектуальным открыли широкий простор для самых произвольных интерпретаций духовной и нравственной жизни человека и общества, что не могло не привести, в конечном счете, к упадку как духовности, так и многочисленным нравственным проблемам и утрате критериев различения добра и зла.

Рационализация духовности на Западе с неизбежностью привела в XIX веке к увлеченности и помраченности интеллектуальной элиты самыми разнообразными идеями. Так духовность стала восприниматься как идейность. Этим типом ложной духовности была захвачена и русская интеллигенция. Г.П. Федотов дал свое определение интеллигенции: «...русская интеллигенция есть группа, движение и традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей» [1, с. 71-72]. А С.Н. Булгаков в своей статье в знаменитых «Вехах» отметил, что идейность интеллигенции обуславливает ее ориентацию на героический нравственный идеал, в то время как подлинная духовность сопряжена с подвижничеством [2, с. 31-72]. Революционная интеллигенция жертвенно служила идее социализма в ущерб не только интересам людей, но и своим собственным. Подвижничество же означает помощь конкретным людям из христианского мотива любви к ним.

В советское время духовность очень часто отождествлялась с культурными потребностями людей. Посещение театров, художественных галерей, чтение художественных книг и просмотр кинофильмов при высокой эстетической и художественной их ценности, безусловно, могут благодаря катарсису подготовить душу человека к восприятию духовных ценностей. Однако далеко не всякое художественное произведение, в особенности продукт массовой культуры несет в себе заряд духовной энергии положительного значения. Напротив, мы являемся свидетелями того, как при помощи произведений массовой культуры формируется тип бездуховного и нравственно развращенного человека.

В строгом смысле слова духовность отражает сферу взаимоотношения человека с Богом, а нравственность – сферу взаимоотношения между людьми. Высшая цель духовной жизни человека есть стяжание спасения, а нравственность является средством к этому. Синтез духовности и нравственности выражен в полной мере в заповеди любви, данной Спасителем: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»: Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» [Мф. 22; 37-40]. И именно в контексте этой заповеди можно

правильно и глубоко осмыслить взаимосвязь между духовностью и нравственностью, между духовной и нравственной жизнью человека.

Литература:

1. Федотов, Г.П. Трагедия интеллигенции / Г.П. Федотов // Грехи и судьба России. – Т.1. – СПб., 1991.

2. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество / С.Н. Булгаков // Вехи. Из глубины. – М., 1991.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ И ИРРАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ

М.А.Скринник, г. Дубляны, Украина

Бытие человека обязательно включает в себя заинтересованное отношение к действительности, оно всегда сопровождается совокупностью оценок, наделяющей вещи определенной значимостью, которая предстает для человека в статусе ценностей. *Ценностями* мы называем общепринятые значения вещей, существующие как образцы, формы поведения и деятельности людей, удовлетворяющие их потребности. Нашей задачей является определение знаковых исторических вех теоретического осмысления ценностей и их методологической роли в исследовании социальных явлений.

Хотя понятие ценности входит в научный оборот только в XIX в., не следует забывать, что к значениям как посредникам между человеком и миром обращается уже Сократ. Во-первых, введя в философию ценностный аспект общих нравственных идей, Сократ тем самым поставил вопрос об универсальных принципах бытия индивида. Общие идеи как знания для философа предстали основанием поведения и поступков каждого человека, в частности и прежде всего самого себя. Нравственные идеи как высшие идеальные сущности предстают для Сократа сверхценностями человеческой жизни. Во-вторых, познавательное измерение человеческой жизни в философии Сократа одновременно предстало и ценностно-смысловым. В-третьих, отождествление Сократом знания и морального действия положило начало одной из существующих и сегодня историко-философских интерпретаций ценностей – *рационалистической*.

Необходимо отметить, что рационалистический подход научно был утвержден только в неклассической философии – как трансцендентальная теория ценностей – представителями Баденской школы *В. Виндельбандом* и *Г. Риккертом*, а также *М. Вебером* в его концепции логики исторического процесса. Мыслители Баденской школы исходят из тезиса: поскольку действительность многообразна в своих индивидуальных проявлениях, то ее познание должно осуществляться двумя способами – обобщающим и индивидуализирующим. Применяя обобщающий метод,